

На правах рукописи

АДЫЛХАНОВ Малик Гиябиевич

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СЛОВА

Специальность 12.00.08 – «Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Коняхин Владимир Павлович**
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист Российской Федерации

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кафедра уголовного права, профессор

Соловьев Владислав Сергеевич
кандидат юридических наук,
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
кафедра уголовного права и криминологии,
доцент

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»**

Защита диссертации состоится « 3 » марта 2020 года в 12⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А. В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Реформы 90-х годов ознаменовались переходом от официальной идеологии и тотального отсутствия свободы слова к её признанию одним из фундаментальных принципов построения нового российского общества, свободного от цензуры и государственного контроля за самовыражением личности. Право на свободу слова является критически важным для реализации других основополагающих прав человека: прав на свободу собраний и объединений, свободу мысли, совести и религии.

Понимая особую значимость свободы слова, гражданское общество крайне остро реагирует на попытки ее подавления, практически мгновенно объединяя представителей различных социальных групп, в том числе с отличными мировоззренческими позициями либо политическими убеждениями¹.

Однако глобальные изменения в мире убеждают в том, что свобода слова может выступать не только эффективным и действенным проводником общепризнанных стандартов прав человека, но и удобным прикрытием для деструктивного информационно-психологического воздействия на здоровье личности, манипулирования общественным сознанием, а также информационных войн, направленных на подрыв политической и социальной стабильности в обществе, размывание его нравственных и духовных основ. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противостояние в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории»².

Признавая и оценивая подобные угрозы, отечественное уголовное законодательство последовательно движется по пути расширения ответственности за различные формы злоупотребления правом на свободу слова. Уже сейчас можно утверждать, что такие уголовно-правовые нормы представляют разветвлённую и

¹ «Ведомости», «Коммерсантъ» и РБК впервые вышли с одинаковой первой полосой. Она посвящена Ивану Голунову / [Электронный ресурс] // URL:<https://esquire.ru/articles/104972-vedomosti-kommersant-i-rbk-vpervye-vyshli-s-odinakovoy-pervoy-polosoy-ona-posvyashchena-ivanu-golunovu/> (дата обращения: 10.06.2019).

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

довольно сложную систему со своей спецификой, выделяющей их в структуре всего уголовного законодательства.

Однако, эта тенденция, получающая всё большее развитие, сопряжена с вполне конкретными рисками, поскольку уголовный закон может быть использован не только для конституционно оправданного и необходимого ограничения свободы слова, но в качестве эффективного инструмента подавления политической активности граждан. Неопределённость конструктивных признаков ряда составов преступлений вкупе с их весьма свободным и, как следствие, не единообразным толкованием создаёт условия для правоприменительных ошибок, а зачастую и ангажированного применения мер уголовной репрессии.

Уголовно-правовые гарантии права на свободу слова реализуются на двух самостоятельных, но взаимодополняющих уровнях: 1) при конструировании специальных норм об ответственности за нарушение конституционного права на свободу слова; 2) при криминализации различных форм злоупотребления правом на свободу слова. Российская уголовно-правовая наука лишь приближается к построению единой доктрины об уголовно-правовом обеспечении права на свободу слова. Убедительным тому подтверждением является исключение в декабре 2011 г. и возрождение в июле 2012 г. ответственности за клевету с дополнительной криминализацией клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава. О проблемах реализации уголовной репрессии в аспекте обеспечения права человека на свободу слова свидетельствует и значимое решение Конституционного Суда Российской Федерации по делу Ильдара Дадина³.

Имеющиеся рекомендации по криминализации и квалификации отдельных видов преступных нарушений права на свободу слова рассредоточены по множеству работ, многие из которых перегружены задачами сугубо прикладного характера. В то же время очевидно, что без соответствующей общетеоретической базы эффективное решение проблем уголовно-правового обеспечения права на свободу слова невозможно.

В свете изложенного автором делается вывод о своевременности постановки вопроса о проведении всестороннего исследования комплекса теоретических

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СПС «Консультант-Плюс».

и практических проблем, связанных с уголовно-правовыми гарантиями свободы слова⁴.

Степень теоретической разработанности темы исследования. Отдельного комплексного исследования, посвящённого проблемам уголовно-правового обеспечения права на свободу слова, ранее не проводилось. Общие вопросы пределов ограничения свободы слова средствами уголовного права рассматривались в работах И. И. Барышевой, З. М. Бешуковой, Г. А. Есакова, С. М. Оленникова, Ю. Е. Пудовочкина и др.

Проблематика уголовно-правовой охраны чести и достоинства исследовались на диссертационном уровне А. Н. Александровым, Т. Ю. Вавилычевой, С. С. Киселевым, М. М. Королевой, С. С. Омельченко, В. Б. Поезжаловым, А. А. Розикзода, Е. О. Рыбиной и др.

Уголовно-правовая характеристика отдельных преступлений, связанных с призывами к преступной деятельности, представлена в исследованиях С. В. Борисова, А. В. Жеребченко, А. Г. Кибальника, И. М. Кунова, В. С. Соловьева, А. Г. Хлебушкина, З. А. Шибзухова и др.

Вместе с тем уголовно-правовые гарантии права на свободу слова в качестве самостоятельной научной проблемы ещё не анализировались, что позволяет утверждать о существовании определённого пробела в отечественной доктрине уголовного права.

Цель исследования заключается в получении нового знания об уголовно-правовых гарантиях свободы слова, а также в разработке теоретических положений, которые могут быть положены в основу их совершенствования.

Достижение указанной цели реализовывалось путем решения следующих исследовательских задач:

- автором сформулировано определение свободы слова в отраслевом контексте, то есть как объекта уголовно-правовой охраны;
- дано общее понятие и осуществлена классификация преступлений, нарушающих право на свободу слова;
- уточнены пределы криминализации злоупотребления свободой слова и определено их реальное содержание;
- проведено комплексное исследование источников международного права на предмет обеспечения свободы слова и выделены особенности имплементации

⁴ Этот вывод об актуальности темы диссертационного исследования нашел поддержку у 83% опрошенных автором экспертов (ученых и практиков).

международных стандартов правовой защиты в российском уголовном законодательстве;

– осуществлен комплексный анализ определения уголовно-правовых гарантий свободы слова по законодательству зарубежных стран;

– дана уголовно-правовая характеристика преступлений против свободы слова;

– изучена практика применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против свободы слова;

– разработаны рекомендации по квалификации преступлений против свободы слова;

– сформулированы авторские предложения по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в части ответственности за преступления против свободы слова, а равно за злоупотребление правом на свободу слова.

Объектом диссертационного исследования выступали общественные отношения, возникающие в связи с установлением и реализацией уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение конституционного права на свободу слова, а равно об ответственности за злоупотребление этим правом.

В качестве **предмета диссертационного исследования** выступили: свобода слова как объект уголовно-правовой охраны; международные стандарты ее обеспечения; преступления, посягающие на свободу слова; уголовно-правовые нормы об ответственности за посягательства на свободу слова, а также об ответственности за злоупотребление этим правом; проблемы применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные (принципы, категории, законы диалектики и системного подхода, дедукция, индукция, анализ, синтез, определение, классификация), а также частнонаучные (сравнительно-правовой, историко-правовой и др.) методы научного познания.

В процессе получения эмпирического материала использовалось анкетирование и интервьюирование практических работников судебно-следственных органов, представителей СМИ и граждан.

Нормативную базу исследования составили международные правовые акты, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстре-

мистской деятельности», Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и др.

Теоретической основой диссертации является доктрина российского уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории государства и права, международного права, информационного права, криминологии, социологии и др. При проведении исследования использовались работы М. В. Баглая, А. Г. Кибальника, В. П. Коняхина, Л. Л. Кругликова, В. Н. Кудрявцева, А. А. Малиновского, Л. Г. Мачковского, А. В. Наумова, К. В. Ображиева, Ю. Е. Пудовочкина, А. И. Рарога, М. Д. Шаргородского и др.

Отдельно автор выделяет знаковую монографию академика В. Н. Кудрявцева о свободе слова⁵. Совокупность идей, изложенных в данной работе, вопросы, которые были поставлены перед юридической наукой, обеспокоенность В. Н. Кудрявцева статусом человека и тем, что «главное для человека – свобода», во многом предопределили выбор автора относительно темы диссертационного исследования.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена:

- данными официальной статистики о применении уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на свободу слова с 1997 по 2018 гг.;
- материалами 108 уголовных дел, в числе которых 32 дела по фактам посягательств на свободу слова и 76 по фактам злоупотребления правом на свободу слова;
- результатами проведенного социологического исследования (анкетирования) по вопросам реализации свободы слова в России, в ходе которого опрошены: а) практикующие юристы г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, Московской, Тульской и Воронежской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Республики Дагестан (18 судей, 26 прокуроров и их помощников, 83 сотрудников органов предварительного расследования и оперативных подразделений; 32 адвоката); б) представители уголовно-правовой науки (42 кандидата и 18 докторов юридических наук); в) 86 сотрудников СМИ и 55 граждан;
- сведениями, полученными в результате контент-анализа и обобщения информации, опубликованной на протяжении с 1997 по 2018 гг. в таких изданиях как «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета» и др.

⁵ Кудрявцев В. Н. Свобода слова. М., 2006.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она представляет собой первое исследование, в котором интегративно представлено решение теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой охраной свободы слова и с уголовно-правовыми гарантиями при криминализации злоупотребления правом на свободу слова.

В диссертации сформулировано авторское определение свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны; представлены результаты доктринальной экспертизы российского уголовного законодательства на предмет его соответствия международным стандартам обеспечения права на свободу слова; определены пределы криминализации злоупотребления правом на свободу слова; осуществлена систематизация преступлений, нарушающих право на свободу слова; сформулированы предложения по разрешению дискуссионных вопросов, связанных с содержанием конструктивных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 140 и 144 УК РФ, а также рекомендации по их квалификации; выявлены резервы для совершенствования уголовно-правовых гарантий права на свободу слова и разработаны теоретические предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. **Вывод об асимметрии российского уголовного законодательства в обеспечении права на свободу слова**, которая проявляется, с одной стороны, в отсутствии специального уголовно-правового запрета на незаконное воспрепятствование осуществлению гражданином гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова, а с другой стороны, в перенасыщении УК РФ нормами об ответственности за злоупотребление таким правом (ст. 110-110², 119, 128¹, 137, 185³, ч. 1 ст. 205¹, ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 230, 240, 242, 242¹, 280, 280¹, 282, 297, 298¹, 319, 336, 354, 354¹, ч. 2 ст. 361 УК РФ и др.).

2. **Авторское определение свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны**, под которым предложено понимать совокупность общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий.

3. **Результаты доктринальной экспертизы российского уголовного законодательства на предмет его соответствия международно-правовым стандартам обеспечения права на свободу слова**:

– отсутствие в УК РФ специального запрета на воспрепятствование реализации человеком права на свободу слова не соответствует основополагающему требованию международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства (ст. 2 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.);

– используемые в ч. 1 ст. 148 УК РФ, а также в ст. 354¹ УК РФ конструкции не обладают требуемой нормами международного права формальной определённостью, вследствие чего допускают возможность несоразмерного ограничения права на свободу слова человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации;

– положения ст. 205² УК РФ об ответственности за публичное оправдание идеологии терроризма не соответствуют ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, идут вразрез с позицией мирового сообщества, согласно которой уголовно-правового противодействия требует не идеология нацизма, терроризма, экстремизма как таковая, а оправдание или отрицание конкретных действий, событий, исторических фактов, ставших трагическими последствиями подобной идеологии;

– редакция ст. 357 УК РФ не в полной мере соответствует Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), которая в качестве преступления называет публичные призывы к совершению геноцида (ст. 3).

4. Результаты компаративного анализа уголовного законодательства позволили осуществить типологизацию основных подходов к установлению уголовно-правовых гарантий права на свободу слова:

– уголовно-правовые гарантии свободы слова нацелены на защиту законной профессиональной деятельности представителей средств массовой информации (Азербайджан, Казахстан, Молдова, Российская Федерация);

– уголовно-правовые гарантии свободы слова сводятся к криминализации преследования гражданина за критику (Беларусь, Китай, Таджикистан);

– уголовно-правовая защита свободы слова осуществляется посредством регламентация обстоятельств, исключающих уголовную ответственность при реализации лицом права на свободу слова (Великобритания, Германия, Канада, Финляндия, Швеция и др.);

– обеспечение свободы слова посредством законодательной регламентации общей нормы об уголовной ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека (Грузия, Финляндия, Франция и др.).

Для эффективной уголовно-правовой охраны свободы слова необходимо взять за основу последний подход, который в наибольшей мере соответствует международным стандартам, сохранив при этом в УК РФ существующие уголовно-правовые нормы об ответственности за наиболее опасные посягательства на свободу слова.

5. Пределы криминализации злоупотребления права на свободу слова – это солидаризирующиеся с требованиями общественной морали, а равно с картиной мира, сложившейся в общественном сознании, нормативно определённые границы (ограничения) вмешательства органов законодательной власти в сферу индивидуальной автономии личности, связанной с реализацией права на свободу слова, посредством признания деяния преступлением, закрепления его признаков в уголовном законе и установления наказания.

К ним относятся: запрет на избыточное ограничение прав, свобод и законных интересов при конструировании и применении мер уголовно-правового принуждения; недопустимость принятия уголовно-правовых норм, содержание которых является неопределённым, допускающим возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения; недопустимость криминализации тех или иных форм информационного обмена в случаях, когда негативные последствия применения уголовной репрессии объективно превысят вред от криминализируемого деяния.

6. Система уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, нарушающие право на свободу слова, может быть альтернативно определена:

– с точки зрения криминологического подхода, в рамках которого предлагается различать: а) преступления, связанные с принуждением к распространению информации либо к отказу от ее распространения (ст. 144, 183, 283¹, 302, 309 УК РФ); б) преступления, выражающиеся в сокрытии информации либо уклонении от ее предоставления (ст. 140, 237 УК РФ); в) преступления, связанные с воспрепятствованием осуществлению отдельных прав (социальных, политических, религиозных и др.), неразрывно связанных с реализацией права на свободу слова (ст. 141, 142¹, 142², 148, 149 УК РФ); г) служебные преступления, элементом объективной стороны которых является использование специальных полномочий в

целях неправомерного вмешательства в процесс осознанного информационного поведения человека (ст. 136, 201, 285, 286 УК РФ); д) преступления, связанные с непосредственным посягательством на субъекта распространения информации либо на конкретный носитель, средство хранения или передачи такой информации (ст. 105, 111, 112, 115, 119, 167, 272, 277 УК РФ и др.);

– с *формально-юридических позиций*, с учетом которых в качестве элементов этой системы следует рассматривать преступления, непосредственно посягающие на свободу слова (преступления против свободы слова), – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ).

7. Уточненная уголовно-правовая характеристика состава отказа в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ):

– в контексте ст. 140 УК РФ под неправомерным отказом должностного лица в предоставлении информации следует понимать направление заявителю сообщения по установленной форме об отказе в предоставлении запрашиваемой информации (материалов, документов) при соблюдении гражданином формы и порядка обращения за получением информации (материалов, документов) и при отсутствии специальных оснований для отказа в ее (их) предоставлении;

– при определении оценочного признака «вред правам и законным интересам граждан» применительно к ст. 140 УК РФ следует руководствоваться разъяснениями, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, согласно которым существенность нарушения (значимая вредоносность в проекции ст. 140 УК РФ) имеет место при нарушении прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ;

– вина при совершении преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, в качестве обязательного элемента включает осознание должностным лицом противоправности отказа в предоставлении информации, что равнозначно осознанию общественной опасности этого деяния.

8. Уточненная уголовно-правовая характеристика состава воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста (ст. 144 УК РФ) и теоретические рекомендации по квалификации этого преступления:

– воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения к отказу от распространения информации имеет два проявления: а) принуждение журналиста к отказу от распространения конкретной

информации; б) принуждение к отказу от законной профессиональной деятельности журналиста в целом;

– обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является специальная цель – добиться распространения журналистом определенной информации либо отказа от такого распространения. В тех случаях, когда применение насилия к журналисту было обусловлено внезапно возникшей неприязнью, в том числе в связи с выполняемой им профессиональной деятельностью, и лицо не стремилось фактически завладеть тем или иным материалом, не высказывало требований прекратить осуществление видеосъемки и т.п., содеянное следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья;

– поскольку объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УК РФ, охватывает лишь действия, связанные с уничтожением или повреждением имущества, открытое хищение журналистского оборудования требует самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 161, 162 УК РФ в зависимости от конкретных фактических обстоятельств.

9. Основные направления совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против свободы слова заключаются в: криминализации незаконного воспрепятствования осуществлению права на свободу слова; адаптации отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на свободу слова к новым условиям глобального пространства интернет-коммуникации; устранении юридико-технических недостатков действующих редакций ст. 140 и 144 УК РФ.

С учетом обобщения авторских инициатив по совершенствованию уголовно-правовой охраны свободы слова, в порядке *de lege ferenda* предложены новые редакции ст. 140 и 144 УК РФ, а также проект новой уголовно-правовой нормы (ст. 140¹ УК РФ) об ответственности за воспрепятствование осуществлению права на свободу слова (изложены в тексте диссертации).

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении российской юридической науки новым знанием об уголовно-правовых гарантиях права на свободу слова. Положения и выводы диссертации развивают разделы отечественного уголовного права о его предмете и уголовной политике, криминализации, правилах кодификации и квалификации отдельных видов преступлений.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть непосредственно использованы в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, а также в работе практикующих адвокатов и юристов, занимающихся представлением интересов граждан, потерпевших от преступлений. Сформулированные предложения по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства могут быть взяты за основу при разработке конкретных законопроектов по внесению изменений в УК РФ. Материалы диссертации будут полезны в учебном процессе, прежде всего, при преподавании дисциплины «Уголовное право» и связанных с нею спецкурсов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность диссертационного исследования определяется использованием апробированных методов научного познания, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой, на которой основывалось исследование.

Основные положения диссертации нашли отражение в 6 научных публикациях, в том числе 4 из них – в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России. Сформулированные по результатам проведенного исследования идеи и выводы докладывались автором на научных форумах: Всероссийской научной конференции «Уголовное право и информатизация преступности» (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 25–26 мая 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике» (Кубанский государственный университет, 20 апреля 2018 г.); на заседании круглого стола «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 15 мая 2019 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)» (Кубанский государственный университет, 13-14 декабря 2019 г.).

Материалы исследования используются в учебном процессе юридического факультета Кубанского государственного университета и Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, библиографии и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, рассматривается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

Первая глава диссертации – **«Уголовно-правовая охрана права на свободу слова: общетеоретические аспекты»** – состоит из трех параграфов.

В первом из них рассматривается проблематика **определения свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны**. Автор делает вывод, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны свободу слова следует определить совокупность общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий⁶.

Из предлагаемой формулировки свободы слова как объекта уголовно-правовой охраны автор выделяет следующие общие признаки: 1) естественность происхождения и гарантированность нормами Конституции Российской Федерации; 2) заключается в распространении любой не запрещенной законом информации как субъективно-оценочной (мнения, суждения, оценки и т.д.), так и фактической (сведений о событиях, происшествиях, процессах и т.д.); 3) индифферентность формы, которая предполагает не только традиционные вербальные, но и не поддающиеся точному исчислению невербальные способы информационного обмена; 4) выражается как в активном поведении субъекта (распространении информации), так и в мыслительно-речевом бездействии (отказе от распространения информации, публичного выражения мнения и т.д.); 5) представляет собой охраняемое нормами уголовного закона социально значимое отношение, обеспе-

⁶ Данное определение нашло поддержку у 68% опрошенных автором экспертов. Автор отмечает, что результаты социологического исследования показали, что наиболее спорным респонденты посчитали в предлагаемом определении использование признака «общественное отношение». В процессе обработки результатов и выборочного интервьюирования респондентов была конкретизирована позиция автора о том, что данное определение связано с выявлением содержания свободы слова в специфическом «статусе», то есть как объекта уголовно-правовой охраны. Такая конкретизация, как правило, приводила к поддержке со стороны респондентов с увеличением результата до 84%.

чивающее нормальное существование и развитие не только отдельного человека, но и общества в целом.

Предлагаемая дефиниция, по мнению автора, решает ряд важных теоретико-прикладных задач. Прежде всего она позволяет взглянуть на уголовно-правовую охрану свободы слова в фокусе обеспечения права человека на собственные убеждения и их беспрепятственное выражение, на свободную дискуссию по любому предмету, если это не создает угрозу для правоохраняемых интересов. С учетом последних уголовно-политических решений данная проблематика представляет наибольшую актуальность и практический интерес. Автор отмечает, что современное российское общество, пожалуй, в большей мере беспокоит не столько транспарентность информационного пространства страны (информационно-телекоммуникационные сети во многом снимают социальное напряжение в данной части), сколько гарантии свободного обмена мнениями, безопасного гражданского протеста, выражающегося в самых различных формах и по разным поводам.

Кроме того, сформулированное понятие предлагает взглянуть на свободу слова, свободу выражения мнения и свободу информации, как на единое социально-правовое явление, охраняемое уголовным законом. При этом исходным и объединяющим началом здесь выступает именно свобода слова как универсальная категория, первичное условие для других свобод. Такая трактовка позволяет отвлечься от имеющегося в общей теории деления и обратиться к проблемам уголовно-правовой охраны свободы слова независимо от формы, в которой она выражена, затрагивая в том числе художественную и артистическую сторону проблемы.

Второй параграф первой главы диссертации посвящен анализу **понятия и классификации преступлений, нарушающих право на свободу слова**. В диссертации раскрывается, что преступления, нарушающие право на свободу слова, характеризуются следующими общими признаками: а) преступность деяния в целом; б) наличие однородного (непосредственного, дополнительного либо факультативного) объекта посягательства – общественных отношений, связанных с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой не запрещённой законом информации, а равно права на отказ от совершения указанных действий; в) умышленный (сознательный) характер допускаемого не-

правомерного вмешательства в процесс свободного распространения информации.

С учетом изложенного автором предлагается следующее общее понятие преступлений, нарушающих право на свободу слова, – это предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова, независимо от того, являются ли эти общественные отношения конструктивным элементом состава преступления или нет.

Диссертант предлагает следующий альтернативный (диалектический) взгляд на систему уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, нарушающие право на свободу слова:

– с точки зрения криминологического подхода предлагается различать:

а) преступления, связанные с принуждением к распространению информации либо к отказу от ее распространения (ст. 144, 183, 283¹, 302, 309 УК РФ); б) преступления, выражающиеся в сокрытии информации либо уклонении от ее предоставления (ст. 140, 237 УК РФ); в) преступления, связанные с воспрепятствованием осуществлению отдельных прав (социальных, политических, религиозных и др.), неразрывно связанных с реализацией права на свободу слова (ст. 141, 142¹, 142², 148, 149 УК РФ); г) служебные преступления, элементом объективной стороны которых является использование специальных полномочий в целях неправомерного вмешательства в процесс осознанного информационного поведения человека (ст. 136, 201, 285, 286 УК РФ); д) преступления, связанные с непосредственным посягательством на субъекта распространения информации либо на конкретный носитель, средство хранения или передачи такой информации (ст. 105, 111, 112, 115, 119, 167, 272, 277 УК РФ и др.);

– с формально-юридических позиций в качестве элементов этой системы автором предлагается рассматривать преступления, непосредственно посягающие на свободу слова (преступления против свободы слова), – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ).

В работе преступления против свободы слова определяются как предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения, связанные с реали-

защитой естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова.

Преступления против свободы слова выделяются специфическим содержанием основного непосредственного объекта, а уголовно-правовые нормы их предусматривающие характеризуются предметной уголовно-политической целью – обеспечить защиту конституционного права на свободу слова средствами механизма уголовно-правовой охраны.

Третий параграф первой главы посвящен рассмотрению **пределов криминализации злоупотребления правом на свободу слова**. В диссертации обосновывается, что злоупотребление правом на свободу слова представляет собой осуществление лицом субъективного права на распространение в любой форме идей, мнений, убеждений и другой информации, в противоречии с его социальным назначением.

Использование гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободное распространение информации, высказывание собственных мыслей, убеждений и мнений может приобретать злонамеренный характер по двум самостоятельным критериям:

1) злоупотреблением правом на свободу слова является распространение сведений, в результате которого причиняется вред или создается угроза причинения вреда охраняемым законом интересам личности, общества или государства (злоупотребления правом на свободу слова, связанные с распространением конфиденциальной информации (ст. 137, ст. 138, ст. 146, ст. 155, ст. 183, ч. 2 ст. 185⁶, ст. 275, ст. 276, ст. 283, ст. 310, ст. 311, ст. 320 УК РФ); злоупотребления, заключающиеся в негативном информационном воздействии на состояние психического благополучия отдельного человека либо общества в целом (ст. 110-110², ст. 119, ст. 151, ст. 230, ст. 240, ст. 242, ст. 242¹ УК РФ); злоупотребления, связанные с распространением недостоверной (ложной) информации (ст. 128¹, ст. 185³, ст. 298¹, ст. 306, ст. 307 УК РФ); злоупотребления, заключающиеся в распространении оскорбительной информации (ст. 297, ст. 319, ст. 336 УК РФ); злоупотребления, связанные с вовлечением в осуществление преступной деятельности (ч. 4 ст. 33, ст. 150, ч. 1 ст. 205¹, ст. 205², ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280¹, ст. 282, ст. 354, ст. 354¹, ч. 2 ст. 361 УК РФ);

2) злоупотребление правом на свободу слова может быть связано не столько с характером распространяемой информации, сколько с избранным лицом

способом манифестации своих убеждений, взглядов и т.п. (ст.ст. 167, 213, 243, 329 УК РФ).

Под пределами криминализации злоупотребления права на свободу слова автором предлагается понимать солидаризирующиеся с требованиями общественной морали, а равно с картиной мира, сложившейся в общественном сознании, нормативно определённые границы (ограничения) вмешательства органов законодательной власти в сферу индивидуальной автономии личности, связанной с реализацией права на свободу слова, посредством признания деяния преступлением, закрепления его признаков в уголовном законе и установления наказания.

В качестве таких пределов автор выделяет: 1) запрет на избыточное ограничение прав, свобод и законных интересов при конструировании и применении мер уголовно-правового принуждения; 2) недопустимость принятия уголовно-правовых норм, содержание которых является неопределённым, допускающим возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения; 3) недопустимость признания преступлением таких форм информационного обмена, когда негативные последствия применения уголовной репрессии объективно превысят вред от криминализируемого деяния.

Вторая глава диссертации – **«Международно-правовые стандарты обеспечения права на свободу слова и сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых гарантий права на свободу слова»** – состоит из двух параграфов.

В первом из них рассматриваются **международно-правовые стандарты обеспечения права на свободу слова и особенности их имплементации в российском уголовном законодательстве**. Соискатель делает вывод, что система международных документов, в той или иной мере затрагивающих реализацию права на свободу слова, к настоящему времени может быть представлена следующими элементами: а) универсальные международные документы, составляющие Международный стандарт в области свободы слова; б) региональные международные документы, дублирующие и отчасти развивающие положения Международного стандарта; в) вспомогательные международные документы, интерпретирующие положения Международного стандарта; г) рекомендательные международные документы в области соблюдения и ограничения свободы слова; д) международные документы, содержащие нормы, устанавливающие ответственность за отдельные преступления, связанные со злоупотреблением права на свободу слова.

Доктринальная экспертиза российского уголовного законодательства на

предмет его соответствия международным стандартам позволила автору сделать вывод, что оно не в полной мере удовлетворяет основополагающему требованию международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного вмешательства. Отечественный уголовный закон не содержит общего запрета на воспрепятствование реализации гражданином конституционного права на свободу слова.

С учетом последних рекомендаций международных документов в области защиты свободы слова в эпоху глобального пространства интернет-коммуникаций в диссертации аргументируется вывод о необходимости переосмысления содержания уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 144 УК РФ. Уголовно-правовая норма об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) не распространяется на случаи оказания соответствующего давления на таких лиц, которые в условиях современного стремительного «виртуализующегося» общества, оказывают едва ли не меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем официальные средства массовой информации.

Возможность несоразмерного ограничения права на свободу слова человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации заложена в современных редакциях ч. 1 ст. 148 УК РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление чувств верующих, а также ст. 354¹ УК РФ об ответственности за реабилитацию нацизма. Используемые в тексте отечественного уголовного закона конструкции не обладают достаточной формальной определенностью, чтобы утверждать о наличии надежных гарантий от расширительного толкования и, следовательно, произвольного применения.

Не в полной мере соответствующими положениям ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма положения ст. 205² УК РФ в той части, в которой она устанавливает ответственность за публичное оправдание идеологии терроризма. Установление ответственности за оправдание идеологии, то есть некой совокупности упорядоченных взглядов, выражающих интересы различных социальных классов и иных социальных групп, совершенно не вяжется с тем уровнем формальной определенности закона, которая необходима для легитимного установления и реализации юридической ответственности. Положения ряда международных документов показывают, что одной из принципиальных позиций мирового сообщества является установление ответственности не за оправдание

нацизма, терроризма, экстремизма как мировоззрения (идеологии), а за оправдание или отрицание конкретных практик, событий, исторических фактов, ставших трагическими последствиями этих идеологий.

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 357 УК РФ, должна быть приведена в соответствие с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), которая в качестве преступления называет публичные призывы к совершению геноцида (ст. 3). Действующая редакция ст. 357 УК РФ со всей очевидностью свидетельствует о том, что Российская Федерация не в полной мере выполнила взятые на себя международные обязательства в рамках данного международного документа.

Второй параграф второй главы диссертации посвящен **сравнительно-правовому анализу уголовно-правовых гарантий права на свободу слова.**

По формам закрепления уголовно-правовых гарантий права на свободу слова действующие уголовные законодательства зарубежных государств автор классифицирует на четыре группы:

1) первую составляют страны, в которых обозначенный вопрос решается в самом общем виде – путем законодательной регламентации общего положения об ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека (Грузия, Финляндия, Франция и др.);

2) ко второй группе отнесены уголовные кодексы (законы), в которых устанавливается ответственность исключительно за преследование гражданина за критику (Беларусь, Китай, Таджикистан);

3) третью группу образуют уголовные законодательства стран, в которых уголовно-правовые гарантии свободы слова сведены к защите законной профессиональной деятельности представителей средств массовой информации (Азербайджан, Казахстан, Молдова, Российская Федерация);

4) уголовные законодательства государств, включающие специальные нормы об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность при реализации лицом права на свободу слова, формируют четвертую группу (Великобритания, Германия, Канада, Финляндия, Швеция и др.). Такие обстоятельства раскрываются в Особенной части в главах или даже в примечаниях к отдельным статьям об ответственности за преступления, связанные со злоупотреблением правом на свободу слова.

Компаративистское исследование законодательств стран СНГ позволяет автору сделать вывод, что ни одна из стран Содружества не содержит общего по-

ложения об уголовной ответственности за неправомерное ограничение свободы слова человека (лишь по законодательству Беларуси и Таджикистана преступлением признается преследование должностным лицом гражданина за выражение последним критических суждений). При этом традиционным следует признать подход стран СНГ по закреплению специальных норм, направленных на защиту свободы законной профессиональной деятельности журналистов.

В европейской правовой традиции и в ряде стран, относимых к англосаксонской правовой семье, распространенной формой конструирования уголовно-правовых гарантий права на свободу слова является выделение в нормах Особенной части, связанных с установлением ответственности за различные виды злоупотребления правом на свободу слова, специальных оснований, исключающих их действие ввиду реализации гражданином естественного права на свободу слова в общественно полезных целях. Соответствующие страны используют такой прием юридической техники, пытаясь тем самым обеспечить баланс между необходимой уголовной репрессией и конституционными гарантиями на свободу выражения личности.

Принимая во внимание особенности отечественной правовой культуры и опыта законотворчества, автор делает вывод, что заслуживающим самого пристального внимания является решение некоторых зарубежных стран о выделении специальных норм, охраняющих свободу слова человека от наиболее опасных форм ее неправомерного ограничения.

Третья глава диссертации – **«Уголовно-правовая характеристика преступлений против свободы слова и основные направления совершенствования законодательства об ответственности за их совершение»** – состоит из трех параграфов.

В первом параграфе анализируются вопросы **уголовно-правовой характеристики неправомерного отказа в предоставлении гражданину информации**. Соискатель делает вывод, что потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, может выступать: 1) лицо, в отношении которого были собраны в установленном порядке определенные документы и материалы; 2) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей ее личные права и законные интересы; 3) лицо, заинтересованное в получении информации, затрагивающей права и законные интересы других физических лиц.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, являются: 1) материалы и документы, которые были специально собраны в отношении лица

в установленном законом порядке; 2) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую личные права и законные интересы гражданина; 3) материалы и документы, содержащие информацию, затрагивающую права и законные интересы других лиц.

Автор обосновывает, что является ошибочным расширение понятия предмета преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, путем включения составленных или собранных должностным лицом документов или материалов, содержащих неполные либо заведомо ложные сведения, которые не только не выражают сущность охраняемого законом общественного отношения, а по существу выступают инструментом причинения вреда последнему. В связи с этим в диссертации делается вывод, что такие материалы и документы необходимо рассматривать как средство совершения исследуемого преступления.

Соискатель отмечает, что неправомерность как конструктивный признак ст. 140 УК РФ характеризуется значительным уровнем юридико-технической неопределенности, преодоление которой является важной теоретико-прикладной задачей отечественной науки уголовного права. Успешное разрешение такой задачи во многом решило бы проблему правоприменительной статистики ст. 140 УК РФ.

В диссертации конкретизируется понятие неправомерного отказа должностного лица в предоставлении информации – направление заявителю сообщения по установленной форме об отказе в предоставлении запрашиваемой информации (материалов, документов) при соблюдении гражданином формы и порядка обращения за получением информации (материалов, документов) и при отсутствии специальных оснований для отказа в ее (их) предоставлении.

В определении оценочного признака «вред правам и законным интересам граждан» автор предлагает руководствоваться разъяснениями, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которым существенность нарушения (значимая вредоносность в проекции ст. 140 УК РФ) имеет место при нарушении прав и свобод физических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ (например, права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.); при оценке существенности

вреда необходимо учитывать число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

В целях достижения формальной определенности уголовно-правовой нормы предлагается использовать в диспозиции ст. 140 УК РФ такую конструкцию как «существенное нарушение прав и законных интересов гражданина».

Соискателем обосновывается, что вина при неправомерном отказе в предоставлении информации, повлекшем причинение вреда правам и законным интересам гражданина, должна включать в себя осознание должностным лицом противоправности такого отказа, что равнозначно осознанию общественной опасности этого деяния.

Во втором параграфе третьей главы диссертации исследуется **уголовно-правовая характеристика воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов**. Автор приходит к выводу, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с реализацией естественного, гарантированного Конституцией Российской Федерации права на свободу слова. При этом дополнительным объектом выступают общественные отношения, связанные с реализацией и обеспечением трудовых прав журналиста.

В уголовно-правовом смысле потерпевшим по делам о преступлении, предусмотренном ст. 144 УК РФ, может признаваться только журналист. Это касается и тех случаев, когда воздействие на профессиональный выбор представителя СМИ осуществляется опосредованно через воздействие на близких ему лиц. В зависимости от фактических обстоятельств содеянного, близкие журналисту лица будут выступать потерпевшими по другим преступлениям, посягающим на общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни, здоровья либо собственности.

С учетом общетеоретического понимания уголовно-правовой категории «предмет преступления», предметом деяния, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является информация, подготовленная журналистом в ходе осуществления законной профессиональной деятельности и закрепленная на материальном носителе.

Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста путем принуждения к отказу от распространения информации, по мнению автора, имеет два самостоятельных смысловых значения: 1) принуждение журналиста к отказу от распространения конкретной информации; 2) принуждение к отказу от законной профессиональной деятельности журналиста в целом;

По смыслу ст. 144 УК РФ принуждение может выражаться в одной из следующих форм:

а) по ч. 1 и 2 ст. 144 УК РФ:

– распространение сведений, причиняющих существенный вред журналисту или его близким (шантаж), а равно угроза их распространения;

– совершение действий (бездействия), причиняющих существенный вред журналисту или его близким (увольнение; привлечение к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной либо уголовной ответственности; отчисление из вуза; проведение внеплановых проверок со стороны контролирующих органов; прекращение гражданско-правовых отношений и др.), а равно угроза совершения таких действий (бездействия);

– угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества журналиста или его близких;

б) по ч. 3 ст. 144 УК РФ:

– уничтожение или повреждение имущества журналиста или его близких;

– насилие, а равно угроза насилием.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, является специальная цель – добиться распространения журналистом определенной информации либо отказа от такого распространения. В тех случаях, когда применение насилия к журналисту было обусловлено внезапно возникшей неприязнью, в том числе в связи с выполняемой им профессиональной деятельностью, и лицо не стремилось фактически завладеть тем или иным материалом, не высказывало требований прекратить осуществление видеосъемки и т.п., содеянное следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья в зависимости от наступивших последствий.

По смыслу ч. 2 ст. 144 УК РФ под лицами, использующими свое служебное положение при воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналиста, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для воспрепятствования законной журналистской деятельности свои служебные полномочия, включающие организа-

ционно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

Принимая во внимание, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 144 УК РФ, охватывает лишь действия, связанные с уничтожением или повреждением имущества, по мнению автора, действия, выразившиеся в противоправном открытом изъятии журналистского оборудования, требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 161, 162 УК РФ в зависимости от конкретных фактических обстоятельств.

Третий параграф третьей главы диссертации посвящен изучению **основных направлений совершенствования законодательства об ответственности за преступления против свободы слова**. Автор соглашается с той мыслью, что внесение изменений в УК РФ должно выступать крайней мерой, обусловленной очевидной пробельностью закона либо теоретически обоснованной и подтвержденной на практике его внутренней несогласованностью (коллизией). При этом соискатель указывает, что нельзя не учитывать и то объективное обстоятельство, что современный мир динамичен, правовые категории и механизмы довольно быстро устаревают, становятся малоприспособленными для изменившихся социальных условий. Игнорирование таких процессов и желание сохранить стабильность правовой системы изначально обречены на провал, порождая предсказуемое состояние «правового вакуума».

Состояние отечественного уголовного законодательства в части установления ответственности за преступления против свободы слова, по мнению диссертанта, характеризуется сочетанием указанных выше проблем. Автор констатирует как отставание УК РФ от современных тенденций развития информационно-коммуникационной сферы, так и наличие в нем множества хотя и давних, но так и не скорректированных юридико-технических дефектов.

В связи с этим, по мнению автора, совершенствование законодательства об ответственности за преступления против свободы слова комплексно может быть представлено следующими основными направлениями: 1) криминализация незаконного воспрепятствования осуществлению права на свободу слова; 2) адаптивное отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на свободу слова к новым условиям глобального пространства интернет-коммуникации; 3) устранение юридико-технических недостатков действующих редакций ст. 140 и 144 УК РФ.

Самым значимым в уголовно-политическом смысле автор называет вопрос о криминализации воспрепятствования осуществлению лицом права на свободу слова. В работе отмечается, что современное состояние российского общества характеризуется не только перенасыщением информационного пространства (эта проблема затронула все государства, испытавшие на себе последствия четвертой промышленной революции), но и одновременным усилением (ужесточением) контроля над свободой информационного поведения личности. Эти процессы являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Гиперсвязанное общество, где практически каждый обладает эффективными (легкодоступными и практически бесплатными) инструментами манифестации собственных взглядов, идей и убеждений, неминуемо сталкивается с необходимостью эффективного противодействия распространению деструктивного или даже криминогенного контента. В результате закономерно и последовательно множится число правовых запретов и оснований ответственности за их нарушения, связанных со злоупотреблением естественным правом на свободу слова. Таким образом, обостряется конкуренция между двумя самостоятельными социальными запросами: 1) на сохранение высоких стандартов обеспечения индивидуальной свободы личности в части обеспечения права каждого иметь собственные убеждения, обмениваться информацией и свободно высказывать собственное мнение и 2) на ограждение общества от разрушительного воздействия вредоносной информации путем введения дополнительных ограничений, стандартов, запретов и мер ответственности.

Отечественный законодатель предпринял значительные меры к тому, чтобы обеспечить надлежащий уровень уголовно-правовой охраны человека, общества и государства от наиболее опасных форм злоупотребления правом на свободу слова. Вместе с тем модель уголовно-правовой охраны самой свободы слова осталась неизменной – рельефно выраженной в запрете на вмешательство в профессиональную деятельность журналистов и «размытой» до степени научной полемики и практически нулевого восприятия правоприменителем на уровне отдельных составов преступлений против жизни и здоровья человека, конституционных прав и свобод гражданина и должностных преступлений. *Это выявляет фактически сложившуюся асимметрию российского уголовного закона, характеризующуюся отсутствием специального уголовно-правового запрета на незаконное воспрепятствование осуществлению гражданином гарантированного Конституцией РФ права на свободу слова и перенасыщением нормами об ответственности за злоупотребление таким правом.*

На основании изложенного автор полагает, что УК РФ необходимо дополнить новой нормой (ст. 140¹ УК РФ) в следующей редакции:

«Статья 140¹. Воспрепятствование осуществлению права на свободу слова

1. Незаконное воспрепятствование осуществлению права на свободу слова, если это деяние совершено лицом с использованием своего служебного положения либо под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. То же деяние, совершенное в отношении блогера, -

наказываются обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо с применением насилия, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового»⁷.

⁷ Данную редакцию нормы поддержало 63% экспертов. При этом 78% граждан высказались положительно о самой необходимости криминализации незаконного воспрепятствования осуществлению права на свободу слова.

В диссертации обосновывается, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 140 УК РФ, настоятельно требует модернизации в двух моментах – в описании общественно опасных последствий и в определении признаков специального субъекта. Неопределенность вреда как конструктивного признака диспозиции ст. 140 УК РФ фактически сделало невозможным применение данной нормы. При этом указание на должностное лицо как на единственно возможного субъекта отказа в предоставлении гражданину информации не соответствует современной специфике государственно-частного взаимодействия. Довольно часто субъектами рассмотрения обращений граждан становятся государственные служащие, не обладающие признаками должностного лица. С учетом изложенного уголовно-правовую норму об ответственности за отказ в предоставлении информации предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 140. Отказ в предоставлении информации

1. Неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы лица, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации, если эти деяния повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан, -

наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должно-

сти или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с сокрытием правонарушений, совершенных должностными лицами органов государственной власти;

б) совершены группой лиц по предварительному сговору;

в) повлекли тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет»⁸.

В диссертации отмечается, что развитие отечественного уголовного законодательства в части ответственности за неправомерное вмешательство в законную профессиональную деятельность журналистского сообщества по большому счету может быть охарактеризовано как регресс. По мнению автора, современная редакция ст. 144 УК РФ уступает ст. 140¹ УК РСФСР как в аспекте конструкции основного состава, так и в отношении системы квалифицирующих признаков. В ст. 140¹ УК РСФСР была четко разделена ответственность за воспрепятствование деятельности журналиста (хотя и с использованием оценочного признака злостности) и принуждение к распространению либо отказу от распространения информации. Таким образом, данные формы поведения выступали альтернативными способами совершения одного и того же преступления, что точнее отражало сущность исследуемого уголовно-правового запрета и обеспечивало надлежащий уровень уголовно-правовой охраны свободы слова.

В современной редакции признак воспрепятствования в конструкции ст. 144 УК РФ обладает абсолютно нулевым (рудиментным) значением, поскольку полностью ориентирован на признак принуждения. На основании изложенного диссертант делает вывод, что законодатель с момента принятия УК РФ 1996 г. существенным образом понизил уголовно-правовые гарантии независимой деятельности представителей СМИ и реализации права на свободу слова в целом. С учетом выявленных противоречий и проблем конструкции ст. 144 УК РФ автором предлагается ее следующая редакция:

⁸ Данную редакцию нормы поддержало 58% опрошенных автором экспертов.

«Статья 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста

1. Вмешательство в какой бы то ни было форме в законную профессиональную деятельность журналиста в целях воспрепятствования распространению информации либо принуждения к распространению информации -

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой совершения таких действий, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового»⁹.

В заключении подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы.

⁹ Данную редакцию нормы поддержало 72% опрошенных автором экспертов.

**Основные положения диссертационного исследования
опубликованы в следующих работах:**

Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России:

1. Адылханов, М. Г. О совершенствовании уголовно-правовой охраны свободы слова в условиях глобального пространства интернет-коммуникации / М. Г. Адылханов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 15–18. (0,4 п.л.).

2. Адылханов, М. Г. Проблемы имплементации международных стандартов обеспечения права на свободу слова в российское уголовное законодательство / М. Г. Адылханов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 33–36. (0,4 п.л.).

3. Адылханов, М. Г. Свобода слова как объект уголовно-правовой охраны: проблемы интерпретации / М. Г. Адылханов // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 6. – С. 56–60. (0,5 п.л.).

4. Адылханов, М. Г. Уголовная ответственность за отказ в предоставлении гражданину информации: проблемные вопросы квалификации и законодательного определения / М. Г. Адылханов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 11. – С. 75–84. (0,7 п.л.).

Статьи в иных изданиях:

5. Адылханов, М. Г. Уголовно-правовая охрана свободы слова: проблемы законодательства и правоприменения / М. Г. Адылханов // В сборнике: Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2018. – С. 680–687. (0,62 п.л.).

6. Адылханов, М. Г. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с использованием сети «Интернет»: отдельные вопросы криминализации и правоприменения / М. Г. Адылханов // Уголовное право и информатизация преступности: проблемы теории, практики и преподавания : материалы Всероссийской научной конференции (Москва, Московский областной филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 25–26 мая 2018 г.). – М. : ИД «Юриспруденция», 2018. – С. 372–376. (0,44 п.л.).